

Эти двадцать шесть дней стали самыми счастливыми в жизни Ци Ханя. Настоящий медовый месяц, в котором не было места никому, кроме них двоих. Ни посторонних глаз, ни отвлекающих звонков, ни угнетающего молчания.

Фу Гэ был рядом каждую секунду — без ссор, без отвращения, без ледяной стены, которая столько лет стояла между ними. Все тепло, вся любовь, все нерастраченное терпение принадлежали лишь мистери Медведю. Эти голубые глаза, глубокие, как лёд северного моря, отражали только его, и всякий раз, встречаясь с этим взглядом, Ци Хань ловил себя на мысли, что вот-вот утонет.

Они встречали рассвет на вершине снежных хребтов, где Фу Гэ согревал его замёрзшие пальцы у себя на шее.

Они танцевали румбу прямо на замёрзшем русле горного ручья, а потом Фу Гэ откуда-то достал упаковку ячменного ириса без орехов и, как в тот самый день, скормил ему всю пачку.

На пятнадцатый день медового месяца Фу Гэ снова сел в седло, чтобы выиграть для него тёмно-синий хада.

Ци Хань никогда не забудет этот момент. Маленький бета, ловко держа поводья, пронёсся через финишную черту и не остановился — он проскакал прямо к нему, наклонился, закинул хада ему на шею и, притянув к себе, громко произнёс на весь ипподром:

— Первый дар — моему любимому. Пусть порадует сердце.

Толпа взревела. Ветер со свистом разрывал воздух, сшибая чужие слова, унося их в небо. А Ци Хань закрыл лицо Фу Гэ хада и долго, жадно его целовал.

Это была ложь. Их искусственная любовь, которую впервые увидели посторонние.

Но когда ты любишь кого-то так сильно, что ноют кости, каждая секунда с ним кажется раем. Ци Хань тянулся к этому раю, забывая обо всём.

Он снова ощутил, каково это — когда Фу Гэ искренне, безусловно заботится о нём.

В день, когда их медовый месяц закончился, Ци Хань набрал горсть земли с вершины снежных гор, сложил её в термос и привёз обратно, спрятав за пазуху. Он положил её в палату, где хранил свои реликвии, ставшие частью его прошлого.

Здесь уже и так было слишком много воспоминаний.

Все рисунки, что Фу Гэ оставил в восемнадцать лет.

Ключ от их маленькой квартиры, где они когда-то жили вместе.

Снимок с помолвки, сделанный пять лет назад.

Разбитое обручальное кольцо.

Остатки сгоревшего альбома.

Оборванный хада.

Три стопки фотографий, где правда и ложь спутались в единое целое.

Ци Хань заказал небольшую табличку, выгравировав на ней номер палаты. Прикрепил её к настенному светильнику.

«404. Все мои радости в этой короткой, убогой жизни».

Из личного капитала он выделил часть средств для Чэнь Сина, приложив к ним короткое письмо:

Син, давно не виделись.

Не печалься. И не ищи. Если найдёшь моё тело и похоронишь, пожалуйста, сложи рядом со мной всё, что лежит в палате 404 Святого Дэ. Буду благодарен.

Первую же неделю после возвращения в столицу Фу Гэ провёл на операционном столе.

Все, кто участвовал в пересадке железы, подписали соглашение о неразглашении. Чтобы не вызвать лишних вопросов, он должен был скрывать смену вторичного пола хотя бы год-два — до тех пор, пока исчезнувшая железа окончательно не пропадёт с чужих радаров.

Поэтому он носил повязку и медицинский воротник, обрезал длинные волосы до плеч, вернул им естественный чёрный цвет, слегка завил их и лениво собирал в хвост, скрывая затылок.

Если Фу Гэ с розовыми волосами был мягким и тёплым, словно весенний бриз, то бета с тёмными кудрями излучал болезненную притягательность. Болезнь ушла без следа, оставив после себя что-то неуловимое — нечто, что трудно было описать словами. Красота, с примесью опасной небрежности.

Ци Хань чувствовал, как это притяжение разрывает его изнутри. Каждый день он тратил часы, просто наблюдая за ним, а оставшиеся минуты — на ожидание того момента, когда его

преступление наконец вскроется.

После возвращения он ни разу не появился в Торговой палате. Секретари разрывали телефон, но он не отвечал, не разбирал документы, не ходил на встречи, не поддерживал контактов. Он знал, что за этот месяц маленький бета наверняка что-то задумал.

— А Хань, иди сюда.

Фу Гэ сидел на качелях, раскачиваясь чуть вперёд и назад, и протягивал ему альбом.

Ци Хань взял его одной рукой, а второй потянул Фу Гэ за запястье, усадил на свои колени, сам заняв его место.

— Что это?

— Чертёж.

Фу Гэ провёл карандашом по страницам, показывая:

— Здесь будет главный зал, с обеих сторон от него цветочная дорожка, вдоль неё расставим места для гостей. А ещё я хочу, чтобы арка была побольше, лучше бы она...

— По... подожди...

Ци Хань запнулся.

— Гэ, ты... ты это о чём?

— Я же сказал. Это чертёж.

— Какой чертёж?

— Это же план нашей свадебной церемонии. Не нравится?

Фу Гэ говорил спокойно, как будто не делал ничего особенного, но в тот же миг Ци Хань будто получил удар по голове. Он застыл, осмысливая сказанное.

— План... свадьбы... — слова с трудом складывались во фразы. — Ты тоже готовишься к нашей свадьбе?..

Фу Гэ взглянул на него с лёгким недоумением:

— А как иначе? Брак — дело двоих. Разве можно позволить тебе одному возиться со всеми приготовлениями? Или тебе не нравится этот дизайн?

— Нет! Нет, нравится! Конечно нравится! Я просто...

Просто не ожидал.

Ци Хань был уверен, что для Фу Гэ это лишь формальность. Театральная постановка. Сделка, в которой не было ни капли искренности.

Маленький бета недовольно сузил глаза:

— Просто что?

Ци Хань моргнул, пытаясь сфокусироваться.

— Я просто боялся, что ты устанешь. Ты же только что перенёс операцию. О свадьбе я сам позабочусь, тебе не нужно напрягаться.

Фу Гэ улыбнулся:

— Я не устал. К тому же, я нарисовал ещё вот это.

Он перевернул страницу. Это был эскиз свадебного приглашения.

На белой бумаге, заключённые в алый контур сердца, стояли их имена: Ци Хань и Фу Гэ.

— Ты... ты нарисовал это для нас? — голос сорвался, полный неверия.

— Конечно.

Фу Гэ, уютно устроившись в его объятиях, не заметил перемены в нём и продолжал вдохновлённо рассказывать о своём дизайне.

Но Ци Хань больше ничего не слышал. Весь его мир сузился до одной-единственной картинки. Неужели это значит, что он тоже хоть немного ждёт эту свадьбу?..

— На нашу свадьбу можно звать гостей?

Собственный голос казался далёким, неузнаваемым.

— Я думал, ты не хочешь, чтобы кто-то знал о нашей свадьбе... — его голос был глухим, будто он говорил не ртом, а через плотно закрытую грудную клетку. — Я думал, там будем только мы двое...

Фу Гэ сжал его ладонь:

— Почему ты так думаешь? — в голосе прозвучало искреннее недоумение. — Я вообще-то составил довольно длинный список гостей. Или ты хочешь тайную свадьбу?

— Нет... Нет, не хочу.

Ци Хань сглотнул, но в горле всё равно стоял ком.

Его руки дрожали, когда он держал Фу Гэ. Он боялся разжать пальцы — вдруг это всего лишь сон? Вдруг всё исчезнет, если он сделает неверное движение?

— Я просто... сделал слишком много плохого. Все считают меня мерзавцем.

— Ци Хань!

Фу Гэ резко вырвался из его объятий и поднялся на ноги.

— Если ты ещё хоть раз скажешь что-то подобное, я серьёзно разозлюсь.

— Нет! Не уходи!

Ци Хань в панике схватил его за запястье и вновь прижал к себе, зажмурившись, чтобы слёзы не покатались вниз.

— Прости, прости меня... Я не хотел... Маленький Гэ, пожалуйста, не злись, не уходи...

Фу Гэ остался в его объятиях, молча.

Прошло несколько секунд, и он тяжело вздохнул:

— Ты правда думаешь, что только для тебя эта свадьба важна?

Фу Гэ опустил голову, ссутулившись, весь его вид вдруг стал уставшим и каким-то беззащитным.

— Эта свадьба не состоялась не только для тебя.

— Это и моя потерянная свадьба.

— Когда я был в Литане, я не спал ночами, рисовал. План зала, эскизы приглашений, арку... Всё таким, каким оно должно было быть тогда.

Он вздохнул, глубже, чем прежде.

— Я просто хотел, чтобы на этот раз... всё прошло правильно.

Ци Хань замер, дыхание застряло в горле. Он думал, что все хорошие моменты, подаренные Фу Гэ, остались там, в Литане, и закончились в тот день, когда они вернулись. Но теперь оказалось, что маленький бета готовил для него нечто большее.

— Чем я заслужил?.. Я ведь думал... Думал, что это просто формальность... Мне бы и этого хватило, я был бы счастлив даже от одного вида...

Фу Гэ беззвучно вздохнул, притянул его к себе, обнял и мягко похлопал по спине.

— Ты — моя единственная любовь. Как я могу позволить тебе чувствовать себя обделённым?

— Мой А Хань должен получить всё. И только самое лучшее.

— Тогда... тогда пойдём вместе выбирать кольца? Сегодня днём? У тебя будет время?

Фу Гэ не ответил, просто посмотрел на него с тем самым лёгким, неизменным выражением.

— Ты занят?.. Не переживай, я могу сам...

— А Хань.

Фу Гэ перебил его, явно сдерживая улыбку:

— Ты вообще понял, что значит «точно такая же свадьба»?

Ци Хань моргнул.

— Ч-что?..

Фу Гэ потянул его за руку, увёл в дом, продолжая загадочно улыбаться.

— Пойдём в комнату, посмотришь сам. Я приготовил тебе подарок. Времени было мало, так что не суди строго, председатель Ци.

Ци Хань замер у лестницы, бросил на него затравленный взгляд, полный каких-то диких, неконтролируемых эмоций.

Фу Гэ поднял руку и покачал запястьем. На нём всё ещё был хадá, сплетённый Ци Ханем, тот самый, который он считал срезанным и выброшенным.

— Считаю это ответным подарком. Иди, открой.

Ци Хань хотел быть готовым. Думал, что уже ничто не сможет его сломать. Он взлетел по лестнице за пару секунд, а Фу Гэ, никуда не торопясь, неспешно зашагал следом.

Когда он подошёл к комнате, альфа уже стоял на коленях, и его тихие всхлипы вырывались наружу сквозь полуоткрытое окно.

Подарок Фу Гэ был простым. Два кольца. Одно большое, другое маленькое.

На большом была выгравирована буква Q — точь-в-точь как в том эскизе, который Ци Хань видел в альбоме. Тогда он подумал, что кольцо было сделано для Ци Чуана.

Оказалось — для него.

— Для меня...

Ци Хань уткнулся лбом в маленькую коробочку, смеялся и плакал одновременно. Как идиот, как безнадёжный дурак.

Несколько раз он подносил кольцо к пальцу, но так и не решился надеть.

Кольца должны надевать друг другу любящие люди и только тогда свадьба будет настоящей.

Той ночью он снова сел за руль и уехал на кладбище.

На нём был свадебный костюм. Он опустился на колени перед надгробием, легко улыбнулся, стирая мокрую дорожку у глаз.

— Ну что, пап, как я тебе? Красивый?

Он стоял перед могилой Ци Ци, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, словно мальчишка, который хвастается новыми игрушками.

— Видишь, пап? Это всё — подарок от маленького Гэ.

Он вынул приглашение, пробежался пальцами по выгравированным буквам, потом аккуратно достал коробочку с кольцами.

— Приглашения, кольца, свадебная арка, место церемонии... Всё придумал он. Всё нарисовал сам. Для меня. Разве не красиво?

Никого, чтобы разделить радость.

Ему не спалось, от восторга в груди всё горело, ломило, внутри него kloкотало что-то необъяснимое.

— Я ведь думал, что у меня не будет ничего... — он провёл рукой по камню, будто отец мог его услышать, будто мог ощутить его прикосновение.

— Но он... Он сделал для меня так много.

Голос его стал тише, почти нежным, когда он прошептал:

— Мой маленький Гэ всё равно добрый. Даже теперь, даже после всего, он не смог сделать это до конца.

Он усмехнулся, покачав головой.

— Это нехорошо. Так можно попасть в беду. Он слишком мягкий...

Взгляд его стал пустым, отрешённым, будто он вдруг вспомнил что-то важное. А затем он поднял глаза к небу, вдохнул глубоко и прошептал:

— Когда меня не станет...

— Пап, позаботься о нём, хорошо?

Ночной ветер сорвался в порыве, гуляя между могильными плитами, и, возможно, это было единственным ответом. Ци Хань довольно выпрямился, снял с груди две свадебные открытки, изготовленные в срочном порядке, и аккуратно положил их перед надгробием, прижав сверху камнем, чтобы не унесло.

— Сын женится, пап. Не забудь прийти с мамой.

С юности Фу Гэ исполнил каждое своё обещание, не стало исключением и это. Их свадьба.

Ци Хань застыл, едва перешагнув порог винодельни, в тот самый миг всё вокруг стало зыбким, а в груди пронеслось что-то горячее, обжигающее, так остро, что он даже не сразу понял, дышит ли вообще. Всё перед ним было таким знакомым, таким невозможным, что от перенапряжения у него слегка дрожали пальцы, а взгляд застилала едва заметная пелена.

— Разве не один в один? — голос Фу Гэ прозвучал будто сквозь туман, лёгкий, чуть насмешливый, но невероятно тёплый.

Ци Хань быстро отвёл взгляд, смахнул влагу с ресниц и кивнул. Да, один в один.

Кроме места — всё, до мельчайших деталей, было точно таким же, как пять лет назад. Дорожка из лепестков роз, ведущая в главный зал, устилающая пол мягким покрывалом алых, живых цветов, клубящийся сухой лёд, обволакивающий дорогу лёгкой дымкой, дождь из лепестков, подхваченных воздушными потоками, сердцеобразная арка, раскинувшаяся у входа, вся увитая белыми и розовыми розами. И даже лица гостей. Те самые люди, что присутствовали на их свадьбе тогда.

— Ты нашёл всех, кто был там... — голос сорвался, стал глухим, едва различимым в общем гуле голосов, заполнявшем зал.

— Конечно. Они — наши свидетели.

У обоих не было родителей, ни матери, ни отца, ни старших родственников, чтобы провести их к алтарю, так что они просто шагнули вперёд, рука в руке. Когда их ноги пересекли границу арки, Ци Хань почувствовал, как внутри всё сотрясается, в этот миг он был уверен — времени не существовало, эти пять лет были иллюзией, тянувшейся кошмаром, из которого он только что проснулся, и вот они, наконец, вступают в свою реальность, ту, в которой всё идёт как должно, где Фу Гэ стоит рядом, держит его за руку, а их свадьба происходит так, как и была задумана с самого начала.

Его ослепило этим счастьем, захлестнуло с головой, затопило, как океан, в котором нет дна, и он даже не пытался сопротивляться, только шире улыбался, не в силах поверить, что ему действительно дан второй шанс.

Он думал только об одном — о свадьбе, о Фу Гэ, о том, что прямо сейчас они произнесут клятвы, наденут кольца, зацелуют друг друга до головокружения, и тогда весь мир рухнет, и останутся только они.

И лишь когда настало время обмена кольцами, Фу Гэ вдруг взял микрофон и, улыбаясь, произнёс, будто поддразнивая:

— А Хань, я приготовил тебе ещё один сюрприз.

Ци Хань рассмеялся, одурманенный счастьем, слишком растерянный, чтобы уловить, как изменилось выражение его лица, как холодна стала улыбка, как ледяным блеском сверкнули глаза.

— Какой сюрприз?

Фу Гэ посмотрел на него, прямо, пристально, без всякой игры в голосе, и губы его тронула едва заметная усмешка.

— Тот, который ты запомнишь на всю жизнь.

Свадебный марш оборвался, звучание смолкло мгновенно, будто кто-то выдрал из динамиков провода, напряжённая тишина на миг накрыла зал, а затем включился экран.

Большой, высококачественный, с идеально чётким изображением.

На нём, в мельчайших деталях, проигрывалась запись с камер наблюдения. Как Ци Хань уносит железу с аукциона. Как подписывает согласие на трансплантацию.

Прямые доказательства.

А в следующее мгновение ночное небо разорвал вой сирен. Двери сорвались с петель, ворвались полицейские с оружием наготове, каждый ствол направлен на Ци Ханя.

Раздался лязг ботинок, резкие команды, «Стоять! На землю! Руки за голову!», но он даже не успел сообразить, что происходит — не осознал.

Кто-то ударил по опорной балке, свадебная арка рухнула, столы опрокинулись, винные стойки

полетели на пол, стекло с треском разлетелось по залу, а лёгкие лепестки роз, поднятые воздушным вихрем, взметнулись в воздух.

Зал алел, как будто кто-то разорвал само небо и пролил его кровь прямо в эту чёртову винодельню.

Свадьба была воссоздана идеально, до последнего штриха.

Только в этот раз увозили Ци Ханя.

— Нет! Нет, подождите! Я не могу уйти! Я не могу сейчас уйти!

Он рванулся вперёд, вырвавшись из хватки, споткнулся, но тут же поднялся, стремительно двинулся к Фу Гэ.

— Я... я сегодня женюсь! Я женюсь сегодня! Кольцо! Я ещё не надел кольцо!

— Держите его!

Полицейский ударил дубинкой по его голове, кровь мгновенно залила висок, потекла по щеке, закапала на пол. Четверо. Пятеро. Все навалились на него, прижали к полу, зажали шею, вывернули руки назад, впиваясь в кожу наручниками.

И в тот же миг воздух разорвался всплеском феромонов 3S-уровня.

Ци Хань в последний раз раскрыл сознание, вырываясь из последних сил, его феромоны хлынули волной, сметая всех без разбора, ударяя прямо в рецепторы. Полицейские рухнули на пол, не успев понять, что происходит, гости рухнули, пытаясь уцепиться за мебель, но Фу Гэ стоял на сцене неподвижно.

Ци Хань полз. Кровь стекала с его лица, глаза залило багрянцем, ногу сломали, руку вывернули, он не чувствовал ничего, кроме одной мысли, которая рвала его на куски — женюсь. Я должен жениться.

Он схватился за край брюк Фу Гэ. Пальцы вцепились, как в спасательный круг, голос хрипел, грудь содрогалась, но губы произносили только одно.

— Я... я сегодня женюсь...

Кольцо выпало из его кармана, скатилось по полу, окрасилось в красный.

Ци Хань схватил его, вытер рукавом, едва разлепляя губы от прилипающей крови, выпрямился, поднёс к руке Фу Гэ, попытался надеть ему на палец.

Но Фу Гэ отдёргнул руку.

— Ты достоин?

— Нет...

Голос сорвался, слёзы смешались с кровью, он умолял, сквозь солёный привкус боли, сквозь горячее железо на губах.

— Ты... ты обещал мне свадьбу.

Фу Гэ улыбнулся. Наклонился ближе, так близко, что дыхание коснулось его уха, и прошептал с ясной, холодной насмешкой:

— А Хань, это не просто твоя свадьба.

— Это день, когда я назначил тебе смерть.

Ци Ханя снова прижали к земле, руки вывернули, наручники захлопнулись с сухим щелчком. Железный стоппер на его челюсти блеснул в свете ламп, ржавые пятна на металле покрывали его губы, но сквозь зубы всё ещё прорывались слова.

— Ты... с самого начала... всё это... всё... это было ложью?..

Фу Гэ опустил глаза.

Медленно, без лишних эмоций, расстегнул на запястье хадá, тот самый, что носил всё это время, и бросил на пол.

— Я заглянул в палату 404.

— Там столько твоего мусора.

Ци Хань задрожал.

— Не надо...

— Это всё, что у меня осталось...

Фу Гэ усмехнулся, выдохнул коротко, холодно, и склонил голову набок, будто размышляя, а затем безразлично пожал плечами.

— Жаль. Я уже сжёг всё к чёртовой матери.

Всё рухнуло.

<http://bllate.org/book/14453/1278345>